Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-11-18
УДК 343.85:316.77

Attribution
cc by

КОНТРПРОПАГАНДА В СИСТЕМЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Хомутов М.В., Каснова М.С.
Краснодарский университет МВД России

Аннотация. *В статье рассматривается контрпропаганда как специальное направление криминологической профилактики, ориентированное на нейтрализацию уже распространяемого криминогенного сообщения. На основе анализа законодательства, криминологической литературы и современных материалов правоохранительных органов уточняется соотношение контрпропаганды с антикриминальной пропагандой, правовым просвещением и правовым информированием. Предлагается авторское определение контрпропаганды, раскрываются ее основные функции и практические элементы: выявление манипулятивной конструкции, восстановление действительной правовой оценки предлагаемого поведения, опровержение ложных обещаний выгоды и безнаказанности, формирование алгоритма безопасного реагирования. На примере вовлечения несовершеннолетних в преступления террористического характера и мошеннические схемы показана универсальность ряда информационных приемов. Обосновывается необходимость оценки эффективности по изменению знаний, установок и готовности аудитории к правомерному поведению, а не только по количеству проведенных мероприятий и публикаций.*

Ключевые слова: *контрпропаганда, антикриминальная пропаганда, профилактика преступлений, предупреждение преступности, правовое просвещение, криминогенная информация, профилактическая коммуникация, эффективность.*

Финансирование: *инициативная работа.*

Original article

COUNTER-PROPAGANDA IN THE SYSTEM OF CRIMINOLOGICAL CRIME PREVENTION: CONCEPT, FUNCTIONS AND EFFECTIVENESS CRITERIA

Maxim V. Khomutov, Maria S. Kasnova
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Abstract. *The article examines counter-propaganda as a specific area of criminological prevention aimed at neutralizing criminogenic messages that are already circulating in the information environment. Based on legislation, criminological research and recent official law-enforcement materials, the paper clarifies the relationship between counter-propaganda, anti-criminal propaganda, legal education and legal information. An original definition is proposed and the main practical elements are identified: exposing manipulative framing, restoring the actual legal meaning of proposed actions, rebutting false promises of profit and impunity, and providing an understandable algorithm of safe behavior. Cases involving minors recruited into terrorist-related offences and fraud schemes demonstrate the recurrence of similar information techniques. The effectiveness of preventive communication should therefore be assessed through changes in knowledge, attitudes and readiness for lawful behavior rather than merely through the number of publications or events.*

Keywords: *counter-propaganda, anti-criminal propaganda, crime prevention, legal education, criminogenic information, preventive communication, effectiveness, lawful behavior.*

Funding: *Independent work.*

Введение.

Информационная среда сегодня все заметнее влияет не только на способы совершения преступлений, но и на механизм вовлечения в них новых лиц. В ряде случаев противоправное предложение первоначально вообще не выглядит как предложение совершить преступление. Оно маскируется под заработок, просьбу о несложной услуге, участие в «акции», проверку объекта либо иное внешне нейтральное действие. На этой стадии адресату, как правило, не сообщают всей информации о характере поручения и возможных последствиях. Поэтому криминогенное информационное воздействие в подобных ситуациях следует рассматривать не как сопутствующий фон, а как один из элементов механизма преступного поведения.

Для криминологической оценки такого воздействия принципиально важно установить, какую именно функцию выполняет распространяемая информация: формирует ли она мотив, снижает ли критичность восприятия, устраняет внутренние запреты либо создает ложное представление о безопасности предполагаемых действий. Р.В. Жубрин справедливо отмечает: «Если предотвращение и пресечение преступления связаны с началом криминальной активности, то профилактика ориентирована на выявление и устранение детерминантов преступности и связанных с нею правонарушений» [8, с. 630].

Применительно к цифровой среде к таким детерминантам, по нашему мнению, следует относить и

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026

криминогенную информацию, если ее содержание реально влияет на решение лица принять участие в противоправной деятельности.

Информационное направление предупредительной деятельности закреплено и в действующем законодательстве. Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ относит правовое просвещение и правовое информирование к формам профилактического воздействия. В ст. 18 данного закона прямо указано, что субъекты профилактики «доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств» [9]. В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ говорится о необходимости осуществлять «профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности» [11].

Законодательство о противодействии терроризму также исходит из комплексного использования информационно-пропагандистских мер [10]. Вместе с тем, сама контрпропаганда как самостоятельный элемент предупредительной деятельности в федеральном законодательстве специально не раскрывается.

В научной литературе наиболее близко к рассматриваемой проблеме подходят исследования Е.В. Грибанова, посвященные антикриминальной пропаганде. Автор обращает внимание на то, что пропаганда «может иметь как криминогенный, так и антикриминогенный потенциал» [6, с. 14]. Применительно к экстремистской и террористической идеологии, им сделан и другой существенный вывод: «Очевидно, что эффективно противостоять экстремистской и террористической пропаганде только инструментами карательной практики объективно невозможно» [3, с. 19]. Оба положения имеют значение и для более широкой криминологической постановки вопроса. Если преступное вовлечение начинается с информационного воздействия, то предупредительная работа должна быть направлена не только на сообщение о запрете, но и на разрушение самой конструкции, посредством которой этот запрет маскируется или обесценивается.

В связи с изложенным, в настоящей статье предпринята попытка определить место контрпропаганды в системе криминологической профилактики, уточнить содержание этой деятельности и показать те элементы, которые имеют непосредственное значение для практики. Отдельный вопрос составляет оценка ее результативности.

Для иллюстрации используются две современные ситуации из официальных материалов правоохранительных органов: они различаются по уголовно-правовой природе, но имеют сходный механизм первоначального контакта с несовершеннолетним и сходную маскировку преступного поручения под источник заработка.

Обсуждение.

Исходной для анализа является категория «антикриминальная пропаганда». Е.В. Грибанов определяет ее как «многоаспектную, разноуровневую практическую деятельность органов власти, общественных организаций и отдельных граждан» [6, с. 16], направленную на распространение информации антикриминогенного характера. В другой работе он подчеркивает: «В основе антикриминальной пропаганды находятся средства воздействия, т.е. материалы пропаганды» [5].

Речь, таким образом, идет не только о сообщении правовых норм. Содержание таких материалов может включать предостережения, объяснение типичных криминальных ситуаций, рекомендации по безопасному поведению, формирование определенных установок и навыков. В этом смысле, антикриминальная пропаганда значительно шире собственно правового информирования.

Контрпропаганда имеет более узкий предмет. Она становится необходимой тогда, когда в информационной среде уже присутствует криминогенная идея, образ либо конкретное сообщение, способное подтолкнуть лицо к противоправному поведению. Это может быть обещание «легких денег», утверждение о безнаказанности, романтизация участия в преступной группе, оправдание насилия, представление незаконного поручения как обычной подработки. В таких условиях простого размещения еще одного профилактического текста недостаточно. Требуется разобрать содержание исходного сообщения, показать, в чем именно состоит подмена, и предложить адресату понятную правомерную модель поведения.

Правовое информирование при этом сохраняет свое значение, однако оно решает лишь часть задачи. Сообщение о том, какая статья Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность и какое наказание может быть назначено, само по себе не устраняет распространенные при вовлечении заблуждения. Несовершеннолетнему, например, могут внушать, что он выполняет второстепенное поручение, что организатор «берет ответственность на себя» или что переписку невозможно обнаружить. Здесь требуется уже не только разъяснение запрета. Необходимо показать, каким образом строится вовлечение, почему инициатор контакта скрывает действительную цель поручения и в какой момент безопаснее всего прекратить общение и обратиться за помощью.

С учетом изложенного, под контрпропагандой в сфере профилактики преступлений предлагается понимать деятельность по подготовке и распространению информации, направленной на опровержение и нейтрализацию уже распространяемых криминогенных идей, оценок и моделей поведения, а также на формирование у адресата безопасного способа реагирования на попытку преступного вовлечения. Такое понимание, на наш взгляд, точнее отражает отличие контрпропаганды от общей профилактической информации: она всегда возникает как ответ на определенное криминогенное воздействие и должна учитывать его содержание.

Из этого определения вытекает несколько практически значимых признаков.

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026

Во-первых, контрпропагандистский материал должен быть связан с конкретным видом манипуляции, а не представлять собой абстрактный призыв соблюдать закон.

Во-вторых, содержание необходимо соотносить с возрастом, жизненным опытом и привычными каналами коммуникации той группы, для которой материал предназначен.

Наконец, контрпропаганда не может завершаться только опровержением: адресату следует объяснить, что именно нужно сделать при обнаружении опасного контакта. В противном случае отрицательная оценка преступления формируется, а практический навык поведения в рискованной ситуации - нет.

При подготовке такого материала, в первую очередь, следует определить, на какой потребности строится вовлечение. В одних случаях очевиден материальный мотив: человеку обещают быстрый доход за действие, которое намеренно описывается как простое и безопасное. В других используется стремление к признанию, принадлежности к группе, желание продемонстрировать самостоятельность или смелость.

Отдельную группу составляют ситуации, где после первоначального контакта применяется запугивание - угроза распространить переписку, причинить вред близким, сообщить компрометирующие сведения. Универсальный текст, одинаково адресованный всем перечисленным случаям, неизбежно будет слишком общим.

Затем, необходимо показать сам механизм манипуляции. Здесь, как представляется, важна мера: подробное воспроизведение противоправного материала способно дать нежелательный эффект, тогда как слишком общая формулировка не позволяет распознать ситуацию. Для профилактических целей достаточно раскрыть типовую последовательность: сначала предлагается нейтральное либо малозначительное действие, затем объем требований увеличивается, а после первого согласия могут появляться давление и угрозы. Знание этой последовательности позволяет иначе оценить постепенное усложнение поручений. Оно перестает восприниматься как подтверждение их безопасности.

Вопросы построения материалов антикриминальной пропаганды с учетом особенностей аудитории и используемых каналов подробно рассматриваются в специальной литературе [4].

Особое значение имеет возвращение предлагаемому действию его действительного правового и социального смысла. В практике преступного вовлечения часто используется обычная подмена названий: получение денег у потерпевшего обозначается как «работа курьером», передача банковской карты - как «аренда счета», повреждение объекта - как «акция» или «проверка». Такая лексика снижает критичность восприятия и создает у исполнителя ощущение, что он не участвует непосредственно в преступлении.

Контрпропаганда в этой части должна быть предельно понятной: не перегружать адресата юридической терминологией, но ясно показывать, какое фактическое действие от него требуется и к каким последствиям оно может привести.

Далее возникает вопрос о поведении самого адресата. В профилактических материалах нередко подробно объясняется, чего делать нельзя, но заметно реже - что делать вместо этого. Между тем для лица, уже вступившего в переписку, именно этот вопрос может быть решающим. Необходимо указать, когда следует прекратить контакт, какие сведения нельзя передавать, что из переписки желательно сохранить и к кому можно обратиться. Для несовершеннолетнего дополнительно следует прямо разъяснить, что обращение к родителям, педагогу, психологу либо сотруднику полиции на ранней стадии не означает автоматического признания в совершении преступления. Напротив, такое обращение способно прекратить дальнейшее давление.

Наконец, в ряде случаев профилактическое воздействие целесообразно дополнять правомерной альтернативой той потребности, на которой строилось вовлечение. Если речь идет о заработке, полезно не только предупредить об ответственности, но и показать признаки нормального трудоустройства и способы проверки работодателя. Если используется стремление подростка к признанию в группе, необходима опора на доступные молодежные объединения, спортивные, добровольческие и иные социально полезные формы активности. Сам по себе запрет не устраняет потребность, которую преступник использует в своих интересах.

Показательны в этом отношении две ситуации из официальной практики. Они не дают оснований переносить выводы на все случаи преступного вовлечения, однако позволяют увидеть общий информационный прием. В одном случае речь идет о преступлении террористического характера, в другом - о мошенничестве. В обоих эпизодах первоначальный контакт строится вокруг предложения заработка и внешне простого поручения. Для контрпропаганды это существенно: объектом воздействия становится не только определенная идеология, но и сама информационная конструкция, скрывающая реальную общественную опасность предлагаемого действия.

В феврале 2026 г. Национальный антитеррористический комитет со ссылкой на материалы Следственного комитета России сообщил о предъявлении обвинения двум 15-летним жителям Республики Башкортостан в совершении террористического акта на объекте железнодорожной инфраструктуры. В официальном сообщении указано, что обвиняемые «за денежное вознаграждение в сумме 15 тыс. рублей совершили поджог железнодорожного оборудования» [7].

Для целей настоящего исследования существенно именно то, что опасное действие было связано с обещанием денежного вознаграждения. Дистанционный организатор при такой схеме остается вне непосредственной зоны риска, тогда как фактический исполнитель принимает на себя и уголовно-правовые, и физические последствия.

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026

Применительно к этому примеру профилактическое сообщение о строгости наказания необходимо, но его явно недостаточно. Подросток должен заранее понимать, что обозначение задания как оплачиваемой «работы» не меняет характера совершаемого действия. Не менее важно показать распределение рисков: лицо, которое направляет указания дистанционно, сохраняет анонимность и не участвует в исполнении, тогда как ответственность возникает у того, кто совершает конкретные действия.

Следовательно, одна из задач контрпропаганды здесь состоит в разрушении представления о второстепенности роли исполнителя и мнимой безопасности дистанционного поручения.

Другой пример относится к общеуголовной преступности. В сентябре 2025 г. прокуратура Республики Башкортостан сообщила о направлении в суд уголовного дела в отношении 17-летнего подростка, который, по версии следствия, участвовал в мошеннической схеме в качестве курьера. В сообщении дословно отмечено: «подросток нашел предложение в мессенджере о заработке во время летних каникул» [1]. Здесь особенно наглядно видна маскировка противоправной деятельности под понятную для несовершеннолетнего форму занятости. Поэтому профилактический материал должен обращать внимание не только на общий призыв быть осторожным, но и на конкретные признаки сомнительной «работы»: отсутствие проверяемого работодателя, получение заданий исключительно через мессенджер, необходимость забирать либо переводить чужие деньги, требования о секретности.

Результаты.

Сопоставление приведенных ситуаций показывает, что отдельные приемы вовлечения воспроизводятся при преступлениях разной направленности. Общей является схема, при которой простота поручения и обещание дохода используются для снижения критичности восприятия.

Дальнейшее содержание контрпропаганды, разумеется, должно различаться.

При террористическом либо диверсионном вовлечении требуется разъяснять общественную опасность посягательства на объекты инфраструктуры и значение роли непосредственного исполнителя.

При мошенничестве необходимо показывать, что «курьерское» задание связано с причинением имущественного вреда конкретному потерпевшему.

Общим остается лишь первый шаг - распознать криминогенную подмену до совершения действия.

Отсюда возникает и вопрос об эффективности такой работы. В ведомственной и иной профилактической практике проще всего учитывать количество проведенных бесед, лекций, опубликованных материалов, просмотров и охват аудитории. Эти показатели нужны для характеристики объема работы, но они мало говорят о ее результате. Сам факт просмотра памятки не свидетельствует о том, что адресат понял содержание, запомнил существенные признаки опасной ситуации и сможет воспользоваться ими спустя некоторое время.

При определении показателей результативности заслуживают внимания подходы, применяемые при оценке социальной рекламы, где отдельно рассматриваются охват, восприятие и изменение установок аудитории [2]. Первой проверке, по нашему мнению, должен подвергаться сам профилактический материал. Здесь важны не литературные достоинства текста, а его пригодность для решения конкретной задачи. Понятны ли формулировки подростку или иной целевой группе? Узнает ли адресат в описанной ситуации те обстоятельства, с которыми он реально может столкнуться? Есть ли в материале конкретное указание на безопасный порядок действий? Не создает ли иллюстративная часть ненужной привлекательности самого противоправного поведения? Ответы на эти вопросы целесообразно получать еще до массового распространения материала.

После этого имеет смысл оценивать не воспроизведение текста, а понимание. В ходе опроса или ситуационного задания адресат может быть поставлен перед сходной, но не тождественной ситуацией. Если он способен назвать признаки опасного предложения, объяснить, почему обещание анонимности ненадежно, и указать, к кому следует обратиться, можно говорить о формировании первоначального профилактического навыка. Простое же воспроизведение запомнившейся фразы из памятки такого вывода не позволяет сделать.

Более сложный показатель связан уже с установками и готовностью к определенному поведению. В данном случае интерес представляет, снизилась ли привлекательность предложения о «легком заработке», готов ли несовершеннолетний сообщить взрослому о подозрительной переписке, понимает ли он риск передачи банковской карты или выполнения анонимного поручения. Для получения таких данных могут использоваться анонимное анкетирование, обсуждение моделируемых ситуаций, фокус-группы, а также повторное тестирование через определенный промежуток времени. Каждый из этих методов имеет ограничения, поэтому их результаты следует оценивать в совокупности.

Зарубежные исследования психологической устойчивости к дезинформации показывают, что предварительное знакомство с распространенными приемами манипуляции может повышать вероятность их последующего распознавания [12; 13]. Для криминологической профилактики этот вывод представляет интерес прежде всего, как указание на необходимость формировать не набор заученных ответов, а общий способ проверки подозрительного сообщения. В практическом плане это означает анализ того, кто инициировал контакт, почему от адресата требуют срочности или секретности, кому фактически достается выгода и на кого перекладываются риски.

Наиболее осторожно следует подходить к оценке собственно криминологического результата. Теоретически он может проявляться в увеличении числа ранних обращений за помощью, сокращении повторных эпизодов вовлечения, снижении распростра-

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026

ненности конкретного рискованного поведения. Однако зарегистрированная преступность зависит от множества обстоятельств - выявляемости, изменений законодательства, активности правоохранительных органов, особенностей учета. По этой причине снижение либо рост статистического показателя нельзя автоматически связывать с одной информационной кампанией. Для такого вывода требуется дополнительный анализ.

При организации контрпропаганды необходимо учитывать и возможный отрицательный эффект. Чрезмерно подробное описание способа совершения преступления способно вызвать у части аудитории интерес к самой технологии, а героизирующая подача исполнителя - непреднамеренно романтизировать его поведение. Особенно нежелательны подобные элементы в материалах, адресованных несовершеннолетним. Профилактика не должна превращаться в демонстрацию технических деталей противоправного действия.

Отдельная проблема - стигматизация. Попытка построить профилактический материал вокруг утверждения о якобы повышенной склонности к преступлению определенной группы молодежи, мигрантов, представителей субкультур или жителей конкретной территории способна снизить доверие к самому сообщению. Кроме того, такой подход затрудняет обращение за помощью тех, кто опасается заранее негативной оценки. Поэтому в центре контрпропаганды целесообразно оставлять не социальную характеристику адресата, а криминогенное сообщение, прием манипуляции и конкретную рискованную ситуацию.

Подготовка материалов в этой сфере, по нашему мнению, требует участия специалистов разного профиля. Юрист и криминолог обеспечивают корректность правовой оценки и связь содержания с задачами профилактики. Психолог способен оценить возрастные особенности восприятия и риск нежелательной реакции. Специалист по коммуникациям необходим для выбора понятной формы и канала распространения. До широкого размещения материала полезно провести его апробацию на небольшой группе представителей предполагаемой аудитории и посмотреть, какие элементы вызывают затруднения или понимаются не так, как предполагали разработчики.

Организационно такую работу следует рассматривать не как разовую подготовку памятки, а как повторяющийся процесс. Появление новой схемы вовлечения требует ее изучения, после чего формируется профилактическое сообщение, проверяется реакция аудитории и при необходимости корректируется содержание. Для цифровой среды это особенно существенно: меняются площадки общения, формулировки, способы установления контакта, тогда как однажды подготовленный материал нередко продолжает использоваться без учета этих изменений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что контрпропаганда имеет самостоятельное значение в системе криминологической профилактики, хотя и остается частью более широкого направления антикриминальной пропаганды. Ее специфика определяется наличием конкретного криминогенного сообщения или устойчивого приема преступного вовлечения, на который и направляется профилактическое воздействие.

В связи с этим, содержание контрпропаганды не следует сводить к опровержению недостоверной информации либо к напоминанию об уголовной ответственности. Практический смысл такой деятельности состоит в ином: показать адресату, где именно происходит подмена, вернуть предлагаемому действию его действительное правовое значение и объяснить безопасный порядок поведения. При отсутствии последнего элемента информационное воздействие остается в значительной мере декларативным.

Рассмотренные примеры подтверждают, что сходный способ информационного вовлечения может использоваться при преступлениях различной направленности. Это обстоятельство позволяет говорить о наличии общего объекта контрпропаганды - криминогенного сообщения, посредством которого преступное поручение представляется как приемлемое, выгодное либо неопасное.

Вместе с тем, правовая природа конкретного деяния должна определять специальную часть профилактического материала. Универсальный текст, одинаково объясняющий мошенничество, диверсионную и террористическую деятельность, неизбежно потеряет содержательную точность.

Заключение.

Эффективность контрпропаганды целесообразно оценивать по нескольким взаимосвязанным признакам: понятности материала, способности аудитории распознавать типовые приемы вовлечения, готовности отказаться от подозрительного поручения и своевременно обратиться за помощью. Количество публикаций, лекций и просмотров при этом сохраняет значение как показатель объема проведенной работы, но не может выступать единственным доказательством достижения профилактического результата.

Дальнейшее исследование рассматриваемого направления, на наш взгляд, должно быть связано с апробацией ситуационных заданий, сравнением различных форматов профилактических материалов и изучением доверия аудитории к источникам информации. Не менее важна разработка методических требований к содержанию контрпропаганды для разных возрастных и социальных групп.

Решение указанных вопросов позволит приблизить оценку такой работы к ее реальному криминологическому эффекту, а не только к показателям ведомственной отчетности.

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. В Уфе перед судом предстанет подросток, участвовавший в мошеннической схеме в качестве курьера // Прокуратура Республики Башкортостан. 08.09.2025. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_02/mass-media/news/archive/e5929702/ (дата обращения: 05.08.2026).

2. Гладких Н. Ю., Вайнер В. Л. Оценка эффективности социальной рекламы: методическое пособие. Москва: Издательство Олега Пахмутова, 2018. 72 с. ISBN: 978-5-9909469-2-7 EDN: RTLATR

3. Грибанов Е. В. Антикриминальная пропаганда как форма предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Общество и право. 2024. № 3 (89). С. 18-23. EDN: IJHADX

4. Грибанов Е. В. Материалы антикриминальной пропаганды и инструменты их распространения // Общество и право. 2024. № 4 (90). С. 25-29. EDN: CDOFTM

5. Грибанов Е. В. Теоретические основы антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2023. № 2 (84). С. 9-14. EDN: NRHKFM

6. Грибанов Е. В. Теория антикриминальной пропаганды: место в криминологической науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 14-21. EDN: LKPOTX

7. Двум несовершеннолетним предъявлено обвинение в совершении теракта на железной дороге // Национальный антитеррористический комитет. 03.02.2026. URL: https://nac.gov.ru/view/6843fe1b-8b70-41dd-9162-13ef9e30d978 (дата обращения: 05.08.2026).

8. Жубрин Р. В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 627-637. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).627-637 EDN: XQTRDV

9. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26, ч. I. Ст. 3851.

10. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

11. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

12. Lewandowsky S., van der Linden S. Countering misinformation and fake news through inoculation and prebunking // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32. No. 2. P. 348-384. DOI: 10.1080/10463283.2021.1876983 EDN: DZSDQM

13. Roozenbeek J., van der Linden S., Goldberg B., Rathje S., Lewandowsky S. Psychological inoculation improves resilience against misinformation on social media // Science Advances. 2022. Vol. 8. Art. eabo6254. DOI: 10.1126/sciadv.abo6254 EDN: MJCWHK

References:

1. In Ufa, a teenager who participated in a fraudulent scheme as a courier will appear before the court // Prosecutor's Office of the Republic of Bashkortostan. 09/08/2025. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_02/mass-media/news/archive/e5929702 / (date of access: 08/05/2026).

2. Gladkikh N. Yu., Vayner V. L. Evaluation of the effectiveness of social advertising: a methodological guide. Moscow: Oleg Pakhmutov Publishing House, 2018. 72 p. ISBN: 978-5-9909469-2-7 ED.: RTLATR

3. Gribanov E. V. Anti-criminal propaganda as a form of prevention of crimes of a terrorist nature and extremist orientation // Society and law. 2024. No. 3 (89). PP. 18-23. AUTHOR: IJHADX

4. Gribanov E. V. Materials of anti-criminal propaganda and tools for their dissemination // Society and law. 2024. No. 4 (90). pp. 25-29. EDN: CDOFTM

5. Gribanov E. V. Theoretical foundations of anti-criminal propaganda // Society and law. 2023. No. 2 (84). pp. 9-14. EDN: NRHKFM

6. Gribanov E. V. Theory of anti-criminal propaganda: its place in criminological science and its significance for law enforcement practice // Society and Law. 2023. No. 1 (83). pp. 14-21. EDN: LKPOTX

7. Two minors have been charged with committing a terrorist act on a railway // National Anti-Terrorist Committee. 02/03/2026. URL: https://nac.gov.ru/view/6843fe1b-8b70-41dd-9162-13ef9e30d978 (date of request: 08/05/2026).

8. Zhubrin R. V. Crime prevention at the present stage of development of Russian society: concept, content, principles // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. No. 4. pp. 627-637. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4) .627-637 ed.: XQTRDV

9. On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26, ch. I. St. 3851.

10. On Countering terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 11. Art. 1146.

11. On Countering extremist activities: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. St. 3031.

12. Levandowski S., Van der Linden S. Countering disinformation and fake news through vaccination and pre-training // European Review of Social Psychology. 2021. Volume 32. No. 2. pp. 348-384. Identification number: 10.1080/10463283.2021.1876983 EDN: DZSDQM

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026

13. Ruzenbeck J., van der Linden S., Goldberg B., Ratje S., Lewandowski S. Psychological inoculation increases resistance to misinformation on social media // Achievements of science. 2022. Volume 8. Article number eabo6254. DOI: 10.1126/sci-adv.abo6254 edited by: MJCWHK

Информация об авторах:
Хомутов Максим Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии, Краснодарский университет МВД России. E-mail: khomutov2008@mail.ru
Каснова Мария Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Краснодарский университет МВД России. E-mail: mariya_iv23@mail.ru
Maxim V. Khomutov, PhD in Law, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Maria S. Kasnova, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.10.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.11.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Хомутов М.В., Каснова М.С., 2026